
Евгений Орлов

Дебет

Рассказ

Таможня улыбалась по-доброму, грустно, освещая пространство печалью, — такими могут быть только глаза женщины. Кругом слова — напутствующие и обнадеживающие. Их не обмануть новенькой, с иголки, спецодеждой «Газмяса». Ведь рентген демонстрировал в чреве каждого баула броню, каску, оптику, «обвесы» — мужские игрушки, продлевающие жизнь. Месяц за месяцем они видели реальный «дебет-кредит» человеко-гробов, туда — развязанные бруталы, а обратно, почти они, приправленные загаром и марсианской пылью, но в компании цинковых ящиков с упокоенными фрагментами. Бывает. Кто на кого учился. Конвейер. Меняются надписи на спецодежде, но постоянно содержание мешков.

Проходим «зеленую зону», стараясь не смущать обывателя агрессивными рожами. Однако затор случился, проблема с весом багажа или его содержимым. Очередь встала. Некстати подъехал еще один автобус «газовщиков». До эскалатора выросла длиннющая очередь. Бруталы сбились в группки, а гулкий галдеж привел скользкую конспирацию к общему знаменателю. Редкие ночные прохожие смотрели безразлично, лишь иногда — с любопытством. «Газмяс» делал свое коварное дело. Ремесло соратников смердело тайной. Некоторые падкие до хайпа парни лезли из кожи вон, чтобы оскалить миру свое истинное лицо. Штаны буржуйского «мультикам» или модная «лова». Где-то мелькнет «кубанка» поверх десантного тельника, а между ними — одухотворенное собственной исключительностью лицо. Павлиний характер в противовес гладкой упитанности племса. Однако сонным гражданам по большому счету было наплевать. И даже более, скажи им прямо, что ты по доброй воле собрался на чужую войну, кого-то там рубить «на дальних подступах», плюнут в карму и рассмеются. А то и приколотят к придуманному тобой образу сказочного витязя в косоворотке и телогрейке жестокий вывод — «долбоёб».

Таможня глядит в корень твоему наигранному пафосу, понимая, где мы приобретаем самоуважение, что скрыто под тельняшкой и бородой. Страх, беспокойство? Увольте — пустота! Фатал, возможность бросить рулевое весло, захлебнуться в водовороте событий, раствориться в приключенческом сценарии. И похер, раб ты Божий или сын его, Коловрат на тебе или Крест, веришь в Вальхаллу, Рай или Общую Теорию Относительности. В омут наудачу. В куртках «Газмяса», с баулами в 30 кг, с куражом на сердце. В состоянии жизни. Когда не бьешься в мешанстве, как автомат, а вертишься вошью на острие жизненных обстоятельств. Полное погружение в среду. Каждая ложка — лучшая в жизни еда, кофе с кардамоном, сваренный на костре из снарядных ящиков, которые нес триста метров из ущелья —

Орлов Евгений Михайлович родился в 1970 году во Владивостоке. Рассказы выходили в журналах «Дальний Восток», «Крешатик» и др. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

невероятное питье, а бомж в соседнем окопе — единственный человек на земле с глазами Христа, попутчик, герой. Однажды ты почувствуешь его смерть. Серость на лице, извиняющиеся глаза уставшей души. И выпадет пазл из твоего уклада. Хлоп. Падают кеглями случайные попутчики. Нас называют неудачниками и адреналиновыми наркоманами. Пустое. Адреналин для «планктона» — страйкбол, лыжики, мотоцикл. Сотруднику «Газмеса» — бабло и право жить, в каждом миге, в каждом вдохе, среди одинаково сумасшедших.

Вот очередь из сумасшедших потекла, загремели по полу рюкзаки. То, что должно было случиться, конечно, произошло — кого-то зацепил прохожий.

— Мужики, а вы куда?

— В Дубаи, братан. Нефть качать.

— Блин, повезло! — протягивает завистливо крохотный мужичок. Засучил ножками, запорхал руками, видимо, решив, что вот-вот приоткроется дверь в светлое будущее. Забрезжило рахат-лукумом и грудастыми краснодарскими дивами под мясом и горячительное. Дядька решает: — А к вам можно?

Скиф добр и разговорчив:

— Конечно, брат. Текучка будь здоров.

— Да ну! — глаза мужичонки загорелись.

— Я тебе говорю, — Скиф моргает честными глазами. — Телефон пиши.

Мужик хлопает себя по карманам, в дрожащих от нетерпения руках возникает мятый блокнот, кто-то услужливо протягивает карандаш.

— Спасибо, — ветер будущего опалил мозг просителя атомным светом, земля катилась из-под ног, а в душе бились стрекозиные крылья. Скиф глумливо улыбнулся очереди и продиктовал цифры. Не замечая ничего вокруг, мужик сложил блокнот вдвое, рассыпаясь в благодарностях, удалился. Скиф театрально выдержал паузу, прежде чем произнес:

— Начштаба будет рад. — Коридор взорвался смехом, открытым, развязанным.

Но вот засуетились старшие, затор рассосался и рюкзаки пошли через рамку таможи. Подальше от посторонних глаз, мыслей и выводов. Не дай бог новости посмотрят и свяжут видимое с очевидным. Очередь подтолкнула меня к таможенной зоне.

— Следующий!

Пять длинных шагов.

— Доброй ночи, — протягиваю паспорт в окошечко, бейсболку — долой, на лицо — широкую людоедскую улыбку с прорехой между клыками. В ответ — колючий взгляд таможенницы. Паспорт подвергается быстрому, но цепкому изучению. Длинные пальцы с лаконичным маникюром затарахтели по компьютерной клавиатуре. Я скучаю, по привычке жду подвоха. Неожиданно официальная маска падает, женщина улыбается.

Тревожусь:

— Все в порядке? — принимаю паспорт из ее рук.

— Я вас месяц назад встречала, — объясняет она, неувлимым движением ресниц показывает на экран, — ОТТУДА. Вы здесь проходили.

Честно не знаю, что ответить, кручу между пальцами паспорт. Конспирация плюс тугодумие связали язык. Но не хочется в ответ на столь мягкую откровенность прослыть невежей.

— Хм, — туплю я.

— Все хорошо у вас будет.

На ум пришло нейтральное:

— Спасибо.

— Удачи, вам, ребята, — она подтолкнула меня кивком и наставительно добавила: — Возвращайтесь!

Я отворачиваюсь от нее, послушно шагаю прочь. Над кабиной загорается зеленый огонек. В спину слышится:

— Следующий!